

«Портрет Лизы», бумага, уголь, сангина, мел, пастель, 1982

«Букет», бумага, акварель, 1975

«Лето. Сирень», холст, масло, 2007

«Васильки», холст, масло, 1993

Дороги, которые мы выбираем

В.В. БАБИЯК,
доктор искусствоведения, профессор

Дэвид Юм некогда заметил: «Человеку, который долго говорит о себе, трудно избежать тщеславия». А посему, затеявая это небольшое автобиографическое эссе, постараюсь не искушать читателя подобными подозрениями. Памятуя слова незабвенного Козьмы Пруткова: «Что скажут о тебе другие, коли ты сам о себе ничего сказать не можешь?», я решил в год своего 55-летия написать о себе, не стесняясь, в ответ тем, чья показная «скромность» — просто прикрытое собственное ленивое, а то и бесталанное.

Итак. Посчастливилось мне родиться в Ленинграде, в семье врачей.

Здесь слякотность в соседстве с белой ночью,
Здесь каменным оковам не сдержать
Безумство волн — в поэме и воочию,
Так суждено ему — грустить и поражать...

Несколько лет мы жили в пропавшем историей Выборге, по месту службы отца — военного врача, городе, где еще с войны вдоль улиц стояли пробитые осколками железные фонарные столбы-трубы, а на мощной стене крепостной башни Святого Олафа — донжона Выборгского замка — зияла большая выбоина от тяжелого артиллерийского снаряда. В 1962-м я пошел в школу. Но уже в том же году мы вернулись в Ленинград, где поселились в классической многосемейной коммуналке на канале Грибоедова. Попутно учебе посещал скульптурную студию Дома пионеров Октябрьского района, занимался в школьном кружке рисования. Но это были скорее проявления моей врожденной увлеченности созидательным рукоделием. Поистине с верой в мое творческое будущее в буквальном смысле вложил мне кисть в руку талантливый художник-самоучка, друг отца, Олег Антонович Мартынов. Светлая ему память!

Мне, десятилетнему, потным молдавским летом он подарил маленький лакированный этюдник с рамочным стиратором для натягивания бумаги да акварельными красками и усадил писать этюд с пирамидальными туями цвета пыльного изумруда, что росли во дворе нашего беломазанного

кишиневского дома, покрытого посеребренной временем дранкой. Когда же я, никогда до этого не писавший с натуры, с робким старанием начал довольно уныло раскрашивать лист, он попросту взял своей рукой мою ручонку и начал ею писать; писать смело, свежо, заряжая неумелого собственной энергией. И эта почти насильственная «антипедагогичная» моторика сразу помогла мне ощутить подлинный «вкус» настоящей акварельной живописи, мне, даже не подозревавшему, как еще далеко до ее серьезного освоения! Под его приглядом в тринадцать лет я сделал свой первый офорт. С его благословения в 1967 году сразу и легко поступил во второй специальный класс (шестой общеобразовательный) Ленинградской средней художественной школы при институте им. И.Е. Репина, а впоследствии и в сам вуз...

СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ

Бытует мнение, что педагогом не становятся, им рождаются. Обучаясь в СХШ, а затем на графическом факультете института, я над этим не задумывался. Но судьба распорядилась по-своему.

Прошли годы. По отличном окончании мастерской книжной графики профессора Г.Д. Епифанова в 1979-м (дипломная работа — иллюстрации и оформление исторического романа О. Форш «Михайловский замок» в технике двухцветной ксилографии была представлена на всесоюзной выставке в Киеве и воспроизведена в журнале «Искусство») я, предусмотрительно позаботившись о своем госраспределении, был

У ректора РГПУ им. А.И. Герцена. Февраль 1994.
Слева направо: ректор РГПУ им. А.И. Герцена, академик Г.А. Бордовский, профессор Академии искусств им. Св. Луки (Гент, Бельгия) Харольд Ван де Перре, декан факультета изобразительного искусства В.В. Бабияк.

Открытие персональной выставки художественных произведений В.В. Бабияка в Доме ученых им. М. Горького 2 октября 2010 года.

Слева направо: заместитель директора Дома ученых И.И. Хмельницкая, народный художник России, профессор В.А. Леднев, В.В. Бабияк.

приглашен преподавать в ту же среднюю художественную школу, где меня прекрасно помнили, к тому же ее лучшим учеником. Однако настойчивая агитация моих академических сокурсников перейти в пединститут им. А.И. Герцена, где они уже преподавали, весомостью его профессиональных, да и карьерных перспектив возымела результат. И через полгода, 2 января 1980-го, ассистент Бабияк приступил к работе на кафедре рисунка и графики художественно-графического факультета, которой в ту пору заведовал выдающийся художник-пейзажист Михаил Александрович Канеев. И если СХШ я выбрал более по необходимости, то институт Герцена — вполне осознанно. Помнится, бывшая в ту пору деканом художфакультета Любовь Михайловна Мосолова решила представить меня нашему проректору Владимиру Васильевичу Микшину. А я, надо сказать, уже тогда носил бороду. Взглянув на меня, он слегка улыбнулся: «Я бороды не особенно люблю, но ваша меня вдохновляет». Carte blanche деяниям на высшем педагогическом поприще был получен! Однако осенью того же года грянул призыв в армию. К слову сказать, на сегодняшний день я единственный педагог факультета, имеющий офицерское звание старшего лейтенанта запаса, присвоенное, правда, уже после прохождения действительной военной службы. Солдатские будни — то отдельный разговор. Я же, честно исполнив полуторагодовалый «почетный долг каждого советского гражданина», весной 1982-го вернулся на скучавший без меня факультет.

За полувековую историю факультета, включая мои тридцать лет на нем почти беспорочной службы, лишь я один в разное время преподавал на трех (!) его кафедрах, но более всего на кафедре рисунка, где имею честь служить и поныне. Попутно преподаванию, заочное обучение в аспирантуре Московского педагогического института им. В.И. Ленина (1984—1989) увенчалось успешной защитой кандидатской диссертации на тему «Неоклассицизм в русском станковом рисунке начала XX века».

Моя судьба на факультете складывалась весьма успешно. Секретарь партийного бюро (был и такой «грех», которого отнюдь не стыжусь), заместитель декана, а с 1991 по 1995 год — декан факультета изобразительного искусства. Но должность эта — отнюдь не синекюра. Тем более тогда.

Начало 1990-х — сложный, переломный период не только в истории факультета, но и всей страны. В то полугодное «талонное» время, когда зимой в неотапливаемых факультетских мастерских натурщики отказывались позировать даже в пальто, а с перебоями выплачивавшаяся зарплата в валютном эквиваленте исчислялась несколькими долларами, факультет не сдал своих позиций, выстоял, обретя со временем новые качества. И, как сказано в одном из моих стихотворений:

В мире все стройно и все так расставлено,
Где-то положено, где-то убавлено,
Где-то безводность, а где — половодье,
Там вон ревут, ну, а там — хороводье.

Все равновесие, все равнозначие,
Так что о прошлом жалеть — дело рачье.
Свадьба — развод, смерть и рождение.
Взад и вперед как наваждение.

Холод и жар, айсберг и пламя,
Водка и квас, тряпка и знамя...

Покинув антикварное деканское кресло по причине назревшей надобности поступления в докторантуру до наступления сорокалетия (было такое нелепое условие), с 1995-го я докторант кафедры искусствоведения и методики преподавания изобразительного искусства. По ее окончании, пару лет, с 1999 по 2001-й, даже довелось заведовать данной кафедрой.

Если кратко поведать о творческом кредо, то основой моих художеств является следование национальной русской классицистической традиции. По мере сил и таланта. Работаю в самых разных видах и жанрах изобразительного искусства. Участник многих, в том числе и персональных художественных выставок в России и за ее пределами, оставив в некоторых музеях и ряде частных собраний свои рисованные клочки души.

Иллюстрировал и оформлял литературные произведения отечественной и зарубежной прозы, в том числе Гете, Тургенева, Василия Белова, а также всяческие научные труды, альманахи, альбомы... Говорят, весьма недурной рисовальщик и ксилограф. Что ж, как автор, я, по счастью, волен уклониться от критического обозрения своих художественных произведений и предлагаю это сделать достопочтенным читателям. Лишь замечу: искусство призвано быть искусным, а значит — профессиональным и духовным, причем в самом высоком смысле этой сакраментальной фразы. Особенно в наше смутное время, время возрадовавшейся бездарности, печально отмеченное, по горькому выражению покойного мудреца М.С. Кагана, кризисом гуманизма.

... Миновал почти никем не замеченный мой юбилей вместе с 30-летием преподавательских забот. Кое-что содеяно. Оформлены книги, написаны холсты и около 50 научных трудов, в том числе ставшая библиографической редкостью монография «Русский учебный рисунок». В 2005-м защищена докторская («Русский академический учебный рисунок (XVIII — начало XX века)» — гора с плеч! И как я написал впоследствии:

*Никольский собор. Санкт-Петербург.
Цветная гравюра на пластике. 1987.*

Вот и кончилось оно — многих лет стремленье:
Диссертацию писать — сладость и мученье!
Сладость — тайны постигать, покорять орбиты.
А мученье — ожидать празднества защиты.

День седьмой. Декабрь. Среда. Ветрено и снежно.
Защитился — на ура! Даже чуть небрежно.
В заключение сказал чувственно и страстно.
Стопроцентный кворум был. «За» — единогласно!

Что теперь? Иной расклад! Качество иное
Я обрел. В нем пребывать — дело непростое.
Друг и недруг будут жать мне при встрече руки
И с почтеньем величать доктором науки!

НЕЛЕГКОЕ СЧАСТЬЕ

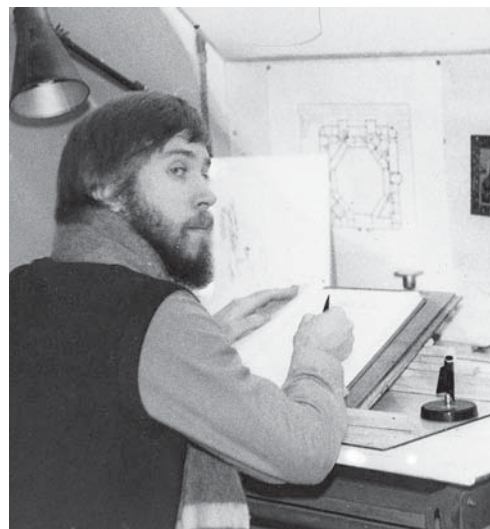
В 2009-м в Сочи на Всероссийском конкурсе на лучшую научную книгу среди преподавателей высших учебных заведений и научных сотрудников научно-исследовательских учреждений удостоен звания лауреата за труд «Рисунок в технике сангины».

Четыре года председательствую в Государственной аттестационной комиссии на защитах ВКР в Череповецком госуниверситете. В прошлом году присуждено учено звание профессора по кафедре рисунка. Что еще? Состою членом Союза художников России, а также членом Ассоциации искусствоведов (АИС) Международного творческого союза историков искусства и художественных критиков, вдобавок являюсь членом Дома ученых им. М. Горького Российской Академии наук и, наконец, заместителем председателя диссертационного совета и еще членом двух других. Пишу стихи.

В октябре этого года в Санкт-Петербурге, в выставочных залах Дома ученых им. М. Горького Российской академии наук, что во дворце Великого князя Владимира Александровича, прошла персональная выставка моих художественных произведений, на которой в исторической ретроспекции я не без успеха продемонстрировал многообразие своих творческих интересов и возможностей. Книга отзывов о ней хранит немало записей, читать которые автору, поверьте, никогда не наскучит. Как бы то ни было, знаю главное: итоги подводить еще ой как рано! Впереди, хочется верить, новые произведения, новые книги, другие ученики и... нелегкое счастье. Так что:

Как звалось, как любилось, верилось,
В водопадах волос укрывалось,
Как же верстами долгими мерилось,
Как грустилось и как же смеялось.

Всем известное, хоть безымянное,
Ты покорное, но ты и властное,

Работа над выпускным дипломным проектом. Май 1979.

То благое, а то окаянное,
То родное, а то безучастное.

Ты мираж, наважденье, видение,
Побежденное и победившее,
Отрешенность и жаркое бдение,
Ты грядущее, но ты и бывшее.

То немое, а то говорящее,
Достоверное, равно и мнимое,
То волшебное, то настоящее,
Непреступное или ранимое.

Ты награда и ты осуждение,
Радость встречи и расставание,
Сон глубокий и пробуждение,
То греховность, а то покаяние.

В знойный день и в лихое ненастие,
Все ж надемся: может, получится
Помечтать про нелегкое счастье,
Все равно ведь другого не случится.

УНИВЕРСИТЕТ – ХРАМ

Вот и завершен сей мини-рассказ о самом себе. О времени, о выборе дороги жизни. Время для всех идет одинаково. Проходит — по-разному. И прав был один из литературных героев О'Генри, произнеся, что «дело не в дороге, которую мы выбираем, а то, что внутри нас заставляет нас выбирать дорогу». Если же оступился, добавлю я, не кляни дорогу, кляни свою неразборчивость в ее выборе. Мне, слава Богу, привелось идти в нужном направлении, оказаться на нужной дороге, дороге, приведшей меня к храму. Имя ему — университет имени Герцена!

Возможно, одни оценят этот исповедальный этюд, другим он, быть может, покажется неожиданным, иным — странным, некоторым — нескромным, прочим — любопытным, в общем, кому-то как обычно будет что-то не так. Прошу простить. Ведь молодость — самомнение, зрелость — мнение, старость — сомнение. Я же пока где-то посередине. А потому вслед за древними могу сказать: *Feci quod potui, faciant meliora potentes* — Я сделал все что мог, кто может, пусть сделает лучше.

Я никогда не говорю: «Прощай!..»
Желаю каждому увидеться при встрече.
В прощанье что-то есть от «завещай»,
А в «до свиданья», что еще — не вечер.
«Прощай!» — я никому не говорю,
Наивно веруя, что встречи неизбежны,
И странное желание дарю:
«До встречи, до свиданья, до надежды!..»